

Она прищурилась, глядя, как дрожащая девочка напротив снимает верхнюю одежду, и с интересом разглядывала смутные очертания груди под тонкой рубашкой. Покойный император лишь недавно отошёл в мир иной, и если сейчас призвать в покои мужчину, не избежать пересудов, но если использовать Ваньэр — всё иначе. Одинокой женщине, скучающей без мужчины, позволительно утешаться служанкой — такое правило молчаливо признавали даже знатнейшие рода, не то что она, нынешняя вдовствующая императрица. Однако как обратить это дело себе на пользу, чтобы сокрушить Ваньэр до конца, заставить её навеки убоиться и никогда не дерзнуть на измену, — тут требовалось кое-что обдумать.

Ваньэр замерла, в страхе глядя на неё, глаза покраснели, слёзы вот-вот хлынут. В этом взгляде у неё созрел план, она улыбнулась, сама надела одежду и привела себя в порядок.

Ваньэр в недоумении смотрела на неё, а она улыбнулась ей в ответ: «Продолжай раздеваться». Ваньэр сняла одежду до нижней рубашки и снова застыла, умоляюще глядя на неё, но та осталась безучастна: «Сними».

Ваньэр предстала перед ней обнажённой. Изящные очертания юного тела и робкое выражение лица напомнили ей её собственную молодость, и она неожиданно ощутила к этому девичьему телу странную заинтересованность: «Встань на колени».

Ваньэр покорно опустилась на колени. Просторный зал делал юную девушку ещё более хрупкой и одинокой. Она повернулась, медленно села на край кровати и высокомерно приподняла подбородок: «Подойди».

Ваньэр в тревоге огляделась, долго медлила, но наконец медленно поползла на коленях, остановившись в нескольких шагах, — то ли от стыда, то ли от страха, — и робко склонилась, но та остановила её: «Подойди».

Ваньэр медленно подползла вплотную, слёзы всё текли по её лицу, но она не оказывала ни малейшего сопротивления. Когда девочка приблизилась вплотную, она ухватила её за подбородок и смотрела на неё сверху вниз. У этой девушки был прелестный ротик, губы от природы алели, как вишни, без всякой помады.

Она спросила Ваньэр: «На длинном свитке, что я тебе подарила, были две картины. Ту, что справа, помнишь?» Увидев, как Ваньэр кивает сквозь слёзы, отпустила её: «Послужи мне». Опасаясь, что неискушённая девушка не поймёт тонкостей, равнодушно добавила: «На коленях. Ртом».

Матушка хотела, чтобы я переехала в Чертог Чжуцзин, но я, сославшись на желание быть к ней поближе, упросила оставить меня в Чертоге Линци. Едва выйдя из Чертога Цзычэнь, я поспешила к А-Хуань. Ещё у входа услышала, как Шоули громко рыдает, а войдя, увидела, что А-Хуань держит его на руках, вся раскрасневшись от волнения, и топает ногой, приказывая позвать кормилицу.

Она была так поглощена, что даже не заметила моего появления, и когда я хлопнула её по плечу, вздрогнула так, что чуть не выронила Шоули. К счастью, рядом была Цици: одной рукой она подхватила ребёнка, а другой удержала А-Хуань, предотвратив падение младенца. А-Хуань, придя в себя, уставилась на меня: «Входишь без предупреждения и ещё так пугаешь!»

Вины мне не сбросить: мы с ней привыкли к такой фамильярности, а сегодня я не подумала, что Шоули может быть здесь. Смущённо улыбнувшись, я принялась извиняться: «Виновата. Когда Шоули рядом, надо быть осторожнее». А-Хуань фыркнула и, увидев, что кормилицы уже прибежали, передала Шоули одной из них: «Не знаю почему, он вдруг расплакался, и я никак

не могу его успокоить».

Кормилица взглянула на Шоули и улыбнулась: «Госпожа, он просто голоден». Она посмотрела на подругу, и та уже начала распахивать одежду, но А-Хуань, испугавшись, быстро сказала: «За ширму! Разве не видите, здесь гостья?»

Кормилицы с недоумением посмотрели на неё, но, раз приказала хозяйка, не стали перечить и унесли Шоули за ширму. Желая её умиротворить, я с улыбкой сказала: «Разве я гостья у А-сао? Здесь всё в порядке».

Но эти слова её задели, А-Хуань, не удостоив меня взглядом, повернулась и пошла к столу. Я услышала, как за ширмой раздалось причмокивание, и поняла, что кормилица собиралась кормить ребёнка прямо здесь. Щёки мои вспыхнули, и я засемила следом: «Конечно, за ширмой лучше... Ушэнжэнь сдал все экзамены на отлично, получил назначение уездным начальником в Фэнъи и пять дней назад вступил в должность. Один из ваших родичей, Вэй Сорок седьмой, подарил ему двадцать связок монет, а Тридцать первый написал письмо цыши округа Тун, чтобы тот о нём позаботился. Я больше не вмешивалась — пусть отработает срок и вернётся в столицу».

Услышав новости об Ушэнжэне, А-Хуань немного прояснилась и спросила: «Ты пришла передать послание Цуй Второй? Она в Чертоге Пэнлай». Говоря это, она уже раскладывала письменные принадлежности, готовясь переписывать сутры.

Я улыбнулась: «Нет». Хотела было ещё помучить её неизвестностью, но видя, что она поглощена делом, выпалила одним духом: «Матушка сжалась надо мной, позволила пожить некоторое время во дворце, в восточном флигеле. Отныне буду ближе к А-сао». Я сделала особое ударение на слове «ближе», и, как и ожидала, А-Хуань замерла с кистью в воздухе и подняла на меня взгляд.

На лице её явно вспыхнула радость, но она тут же опустила голову и тихо молвила: «Это прекрасно». Взяла кисть и принялась выводить иероглифы — каждый штрих, каждое слово с величайшей тщательностью.

Я знала, она обещала матушке переписать тысячу сутр, и хотя не обязана была делать всё сама, всё же хотела продемонстрировать усердие. Не мешая ей, я села сбоку у стола, подперла голову рукой и смотрела на неё.

Как прекрасна она была, склонившись над письмом! В её чертах не осталось и следа той суровости, что была при ней, когда она была супругой наследного принца, не было и той натянутой почтительности, что отличала её в годы моей спутницы. Напротив, в ней проступила красота естественная, неприукрашенная. Дугу Шао как-то сказала мне наедине, что Цуй Мин-дэ — это цветок драгоценного лотоса, а моя А-Хуань — роза у стены: растёт на любой почве, и стебли её покрыты шипами. Но я скажу: моя А-Хуань и есть тот самый лотос, только прежде была скована тиною, а ныне пробилась сквозь воду и медленно распускается на утренней заре, каждый лепесток озарён сиянием рассвета. По сравнению с Цуй Мин-дэ, что с самого начала высоко цвела в пруду, моя А-Хуань куда прекраснее и трогательнее.

Я зачарованно смотрела на неё и не заметила, как она закончила лист, повернулась и ткнула мне кистью в лоб, оставив свежее чернильное пятно: «На что уставилась?»

Я ответила: «На письмо А-сао — с каждым днём всё изящнее. Когда-нибудь и меня научи, чтобы мой почерк стал красивее».

Она бросила на меня укоризненный взгляд, встала и спросила: «А где Далан?»

Кормилицы тут же вынесли Шоули. Малыш, сытый, не плакал и не капризничал, чёрные глазки блестели, он оглядывался по сторонам и, увидев А-Хуань, расплылся в улыбке, слюна потекла по губам, запачкав новую одежду.

А-Хуань нежно взяла его, держа за пухлые ручки и покачивая их. Я хотела было взять её за руку, но побоялась новых осложнений и не решилась, так что просто вертелась вокруг. Она довольно долго держала Шоули на руках, прежде чем вспомнила обо мне, повернулась и спросила: «Посмотри на него, похож на меня?»

Я с неудовольствием посмотрела на малыша, потом на А-Хуань и пробормотала: «Он куда белее тебя».

Но А-Хуань не обиделась, держала Шоули и говорила: «Смотри, он так держит руки — Цинян в детстве тоже так делала». Потом взглянула на меня: «Иногда и ты так делаешь».

Я ответила: «Маленький мальчик и маленькая девочка — не одно и то же. Да и я, взрослая, разве могу быть на них похожа?»

Она улыbnулась, сама толком не зная, о чём говорит, но делая вид, что всё понимает, и медленно заходила по залу с Шоули на руках. Малыш, сытый и довольный, размахивал ручками, ножки его, ещё слабые, подрагивали. Сначала я рассердилась, что он отвлекает А-Хуань, но, видя, как он забавляется, и сама захотела поддержать его.

Она не позволила: «Ты такая неловкая, вдруг уронишь?»

Я усмехнулась: «А кто только что вопил, красный от волнения, чтобы позвали кормилицу? Смеешь попрекать меня?»

Она смутилась, открыла рот, собираясь ответить, но тут же поняла, что попалась, и бросила на меня взгляд.

<http://bllate.org/book/16278/1467026>